

УДК 94(47).072/073(093)

Е.Н. ТУМАНИК

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТА И.Д. ЯКУШКИНА

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: t.katharina@ngs.ru

Статья посвящена характеристике эпистолярного корпуса одного из самых известных декабристов. Письма И.Д. Якушкина сохранились в значительном объеме и представляют собой идейно связанные пласты документов, что позволяло историкам в разные годы активно публиковать комплексы его эпистолярики. Помимо общих классификационных данных и систематизации эпистолярного наследия, в статье на базе писем декабриста сделана попытка охарактеризовать его личность и менталитет, психологический тип – столь важные для воссоздания истории движения декабристов в целом, в котором Якушкин являлся важнейшей знаковой и типологической фигурой.

Ключевые слова: декабристы, мировоззрение, освободительное движение, сибирская ссылка, эпистолярное наследие.

Иван Дмитриевич Якушкин (1793–1857) – один из самых известных декабристов, стоявших у основания тайных политических обществ в России. Член Союза спасения и Союза благоденствия, активный участник Московского заговора 1817 г., вызвавший на царевийство, – именно этот образ запечатлен А.С. Пушкиным и известен с детства каждому читателю «Евгения Онегина» («...Меланхолический Якушкин, Казалось, молча обнажал Царевийственный кинжал...»). Отчасти поэтому фигура декабриста стала хрестоматийной для нашей культуры. Но не будем забывать и обратную связь – если бы Иван Дмитриевич не обладал яркой и самобытной индивидуальностью, выдающейся, интересной и во многом знаковой, даже типичной для пушкинской эпохи, русского «золотого века», не был бы яркой звездой декабристского круга, – то, возможно, его личность не удостоилась бы внимания поэта. Итак, «меланхолический Якушкин», таким ли он был, справедливо ли это пушкинское определение, ставшее для нас, в общем-то, аксиомой... Разобраться в этом поможет голос самого декабриста, идущий из глубины веков, а именно, его письма, сохранившиеся, к счастью, в довольно значительном объеме.

Интерес, особенно примечательный для нашего времени, к наследию И.Д. Якушкина подтверждает факт выхода в 2007 г. репринтного издания «Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина», подготовленного С.Я. Штрайхом более полувека назад [1]. Этот крупнейший опубликованный блок эпистолярики Якушкина объединяет 178 его писем. Всего же в настоящее время известно около 270 писем декабриста, из них десятая часть пока ждет своего выхода в свет.

Отдельные письма декабриста публиковались еще в дореволюционных изданиях. Из них, прежде всего, стоит выделить ярчайший документ по истории декабризма в целом – послание Якушкина к теще Н.Н. Ше-

реметевой от 13 марта 1832 г. из Петровского Завода, ярко живописующее не только условия повседневного быта узников 14 декабря, но и, что особенно важно, умонастроение и мировосприятие автора, думается, во многом типичное и для его сотоварищей. В 1915 г. письмо дважды публиковали различные издания [2; 3], подлинник хранится в Государственном архиве Российской Федерации. Но есть еще и копия (список), выполненная в Москве 29 сентября 1832 г. для семейства Шереметевых, она хранится в их фонде в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки¹. Это письмо, при всей внешней обыденности и спокойной повествовательности тона, поражает своим трагизмом и невольно заставляет задуматься о силе духа и мужестве Якушкина, что дает материал для развития концепции Ю.М. Лотмана об особом «поведенческом типе декабриста» [4].

В эпистолярике И.Д. Якушкина без труда можно выделить ряд отдельных комплексов, классифицируемых не только по адресному или хронологическому принципу, но и содержательно, даже идейно. Прежде всего, это письма к кн. И.Д. Щербатову – ценность данной подборки заключается также в том, что она датируется 1816–1821 гг., периодом до восстания на Сенатской площади, а это является большой редкостью в контексте реконструкции корпуса декабристской эпистолярики в целом. Далее следует говорить о крупных опубликованных блоках эпистолярного наследия И.Д. Якушкина (о чем будет сказано подробнее чуть ниже): к сыновьям (сибирский период), И.И. Пущину (сибирский период), М.А. Фонвизину (сибирский и частично досибирский период). Существует еще

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 279. Оп. 1. Д. 147. Л. 7–10 об.; Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 340.33.17. Л. 1–2 об.

один интереснейший комплекс писем декабриста – к Н.Д. Фонвизиной, пока в основной своей части неопубликованный (неопубликованная часть – 18 писем на французском языке за 1837–1850 гг.)².

В разные годы из печати выходили отдельные подборки якушкинских писем, единые по духу и содержанию, на «одном дыхании» воспринимаемые читателями. Первым в 1928 г. крупный комплекс писем декабриста выпустил в свет В.Н. Нечаев – упомянутые выше послания Якушкина к своему другу Щербатову (36 писем) [5]. Время переписки совпало с этапом активной деятельности декабриста в тайном обществе, а также, как известно, с периодом его несчастной любви к сестре адресата – Н.Д. Щербатовой. Личная трагедия Якушкина, без сомнения, сказавшаяся и на всей его последующей жизни, и на деятельности в тайном обществе, и на моделях взаимоотношений с людьми, в полной мере отразилась в этих посланиях.

Идеи общественного служения и свободы, бывшие неотъемлемой частью самосознания декабриста, стали для него своеобразным выходом из кризиса – не найдя счастья и взаимности, он решает принести свою жизнь в жертву Отечеству, вызвавшись на царубийство во время Московского заговора 1817 г. и предполагая сразу же после смерти Александра I лишиться жизни и себя. Позже, желая уйти от личной драмы, декабрист концентрируется на проектах освобождения собственных крестьян, желая дать свободу крепостным хотя бы в своем имении, если невозможно переломить государственную систему, создавая тем самым прецедент, весьма значимый в контексте декабристской идеологии.

Тем не менее общественное не подавляет личное, и вскоре И.Д. Якушкин предстает перед нами если не сломленным человеком, то пришедшим к определенному жизненному кризису. Вот что он пишет другу и члену Союза благоденствия П.Х. Граббе 21 октября 1821 г.: «Большую часть моей молодости я пролюбил; любовь сменило какое-то стремление исполнить некоторые обязанности ... с некоторого времени кажется во мне сомнительность и дает мне какой-то вид лицемерия; в самом деле, трудно уверить себя, что стремишься к цели, когда ясно видишь, что беспрестанно от нее отдаляешься; что же остается в жизни? Пустить коренья и принять вид растения» [6, с. 235].

В этих строках заключены не только озвученные самим автором определенные итоги жизненного пути, а также и оценка им своей политической деятельности, видящаяся ему на данном этапе как «лицемерие». Тогда же, в октябре 1821 г., И.Д. Якушкин, мучимый совестью именно из-за «неисполнения» тех самых «некоторых обязанностей», принимает решение отправиться в Грецию, чтобы проявить себя в деле реальным, действенным участием в национально-освободительном движении (еще раньше в 1818 г. он серьезно размышлял об отъезде с той же целью в Америку) [6, с. 222, 236]. Надо сказать, что это было

не только якушкинское восприятие состояния в освободительном движении России и декабристских организациях того времени – он просто фиксирует общее положение тайного общества в определенный момент. Обращаясь к личности и психологии И.Д. Якушкина, стоит лишний раз подчеркнуть справедливость точно подмеченной Пушкиным его классической «меланхоличности», которая и позже никуда не ушла и осталась с декабристом до конца его дней, так или иначе проявляя себя.

В 1938 г. появилась крупная, подготовленная Н.П. Чулковым публикация двух комплексов писем И.Д. Якушкина сибирского периода: 1) к сыновьям Вячеславу и Евгению и жене Евгения Елене Густавовне (44 письма), 2) к И.И. Пущину (7 писем) [7]. Письма к детям – особая тема в эпистолярике Якушкина. Несмотря на отдаленность и разобщенность, на то, что декабрист был вырван из семьи и не мог принимать личного участия в воспитании сыновей, он сохранил с ними тесное общение и самые теплые отеческие отношения – это, без преувеличения, уникальное явление в контексте истории декабристской ссылки.

В письмах к Пущину, одному из своих лучших друзей, И.Д. Якушкин был предельно открыт и свободен в высказываниях, делился очень многим и рассказывал буквально обо всем – о своих повседневных заботах и событиях жизни товарищей по ссылке, об устройстве и деятельности своих школ, об отношениях с местными властями в лице чиновников различных рангов. Секрет откровенности и информативности их переписки в том, что, как правило, послания шли не по почте, а через различных частных лиц в обход надзора. Пущин и Якушкин не были товарищами по тайному обществу, а познакомились по пути на каторгу, тем не менее, общие интересы – общественно-политические, научные, просветительские, философские, житейские – необычайно сблизили их. Пущин, человек жизнерадостный и неунывающий, необычайно энергичный, очень сильно воздействовал на личность Якушкина именно своим оптимистическим характером и жизнелюбием, и их общение самым положительным образом влияло на последнего, спасало его от депрессии и уныния, подводило к активной социальной позиции и общественной деятельности. Письма И.Д. Якушкина к И.И. Пущину настолько интересны в событийном и бытописательном плане, в контексте истории повседневности они выглядят настолько живыми, что, конечно же, вызвали стремление исследователей продолжить их публикацию. В середине 1950-х гг. под редакцией М.К. Азадовского вышел в свет юбилейный сборник «Декабристы. Новые материалы» с очередной подборкой якушкинских писем, на этот раз из фондов Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. Ленина, среди которых еще несколько посланий к И.И. Пущину [8, с. 276–289].

Публикацией в сборнике «Декабристы. Новые материалы» был оформлен еще один интереснейший комплекс эпистолярного наследия И.Д. Якушкина –

² НИОР РГБ. Ф. 319.4.56. Л. 1–40 об.

письма к декабристу М.А. Фонвизину, а также обозначен и другой, не менее любопытный – послания к его жене Н.Д. Фонвизиной. Фонвизин был одним из лучших друзей Якушкина, одним из немногих, с которыми он был на «ты». Именно Якушкин принял своего друга в тайное политическое общество и, как явствует из переписки, на протяжении всей жизни являлся для него духовным и нравственным советчиком. Письма к Н.Д. Фонвизиной еще ждут своего выхода в свет, но уже сейчас можно сказать, что они дадут обширный материал о взглядах декабристов на «женский вопрос», о роли женщины в обществе и ее предназначении. Наталья Дмитриевна оказывала несомненное нравственное воздействие на Якушкина, именно она спустя многие годы помогла преодолеть ему ту душевную рану первой неразделенной любви к Н.Д. Щербатовой, которая на протяжении очень долгого времени была столь болезненной для декабриста [8, с. 255–276, 289–295].

Как уже отмечалось, попытка публикации наиболее полного собрания эпистолярики Якушкина была предпринята С.Я. Штрайхом чуть ранее выхода в свет сборника «Декабристы. Новые материалы». В труде, опубликованном в академической серии «Литературные памятники», сведены воедино все изданные комплексы писем и отдельные послания декабриста, дополненные новыми, выявленными к середине XX в., архивными данными. Но, к сожалению, при всех достоинствах данного тома, работа С.Я. Штрайха «Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина» не лишена недостатков, прежде всего, в верной передаче текстов источников и их интерпретации комментатором [6]. Сверка с рукописями обнаруживает частые несовпадения в передаче авторского текста, неправильные прочтения, что искажает смысл и содержание писем. Приведем два ярких примера (курсив наш. – Е.Т.):

1) Е.Г. Якушкиной, 13 апреля 1856 г., Иркутск.

Текст первоисточника: «...Письмо твое от 14 марта мы получили с прошедшею почтою, ... в это время отправилось в Иркутск несколько нарочных... Известие о замужестве Софьи меня очень огорчило...»³.

С. Я. Штрайх: «...Письмо твое от 14 марта мы получили; я прождал письмо ... в это время отправилось в Иркутск несколько приятелей... Письмо о замужестве Софьи меня очень огорчило...» [6, с. 437].

2) В.И. Якушкину, 15 марта 1857 г., Москва.

Текст первоисточника: «...Все это живые люди, и с ними живет легко»⁴.

С. Я. Штрайх: «...Все эти люди живые, и я с ними живу пока легко» [6, с. 445].

Список подобных разночтений можно продолжить. Тем не менее даже спустя более чем полвека

издание, подготовленное С.Я. Штрайхом, является единственным наиболее полным собранием писем декабриста.

Таким образом, опубликованное эпистолярное наследие декабриста, при всей его объемности, не выглядит целостным и производит впечатление фрагментарности. Дело даже не в том, что публикации рассредоточены по различным изданиям. С.Я. Штрайх сделал попытку объединения всего эпистолярного корпуса, но, тем не менее, отдельные периоды жизни декабриста остались совершенно «выключенными» из его переписки. Некоторые письма И.Д. Якушкина разбросаны и по сей день по различным архивохранилищам. Символичным выглядит и уже упомянутое появление в 1955 г., после академического издания Штрайха, которое, казалось бы, должно было поставить «жирную точку» в деле публикации якушкинского наследия, новой значительной и информативнейшей публикации эпистолярики декабриста («Декабристы. Новые материалы»). Думается, это было сделано сознательно, а в предисловии к изданию М.К. Азадовским особо подчеркнуто, что «письма И.Д. Якушкина дополняют ... изданное С.Я. Штрайхом в 1951 г. собрание его писем» [8, с. 4]. Таким образом, проблема была поставлена снова еще тогда. Заметим, что М.К. Азадовский после выхода работы С.Я. Штрайха практически сразу же выступил с ее критикой [9]. Отсюда следует актуальная публикаторская задача – сформировать весь эпистолярный корпус Якушкина как можно более полно без пропусков и временных пробелов. Сегодня эта задача, при всей своей сложности, кажется вполне посильной и выполнимой. После сложной и кропотливой работы по сведению воедино неопубликованного и опубликованного эпистолярного наследия И.Д. Якушкина ясно вырисовывается «каркас» реконструированного корпуса.

Якушкин, является, возможно, единственным декабристом, пережившим многолетнюю сибирскую ссылку и не потерявшим тесных взаимоотношений с семьей и семейным кругом, оставшимися в Европейской России. Поражают его прочные духовные связи с сыновьями, даже с племянниками, прежде всего, с Василием и Софьей Муравьевыми. Он никогда не был исключен из семейства, он даже не отдалялся от него, как будто незримо присутствуя в кругу ближайших родственников, Якушкин всегда оставался для них близким и родным человеком. В этом феноменальном явлении огромная и неоценимая заслуга тещи декабриста – Надежды Николаевны Шереметевой, вокруг которой и под духовным авторитетом которой жил семейный клан Якушкиных-Муравьевых, сформированный семьями ее дочерей Анастасии (в замужестве Якушкиной) и Пелагеи (супруги М.Н. Муравьева). По воспоминанию Е.И. Якушкина, Н.Н. Шереметева испытывала «какое-то поклонение к моему отцу» и «до самой своей смерти она писала ему непременно раз в неделю» [7, с. 479]. Сохранилось письмо Василия Муравьева, племянника И.Д. Якушкина, прибывшего в марте 1848 г. в Сибирь в качестве адъютанта

³ Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом), Рукописный отдел (ИРЛИ РО). Р. I. Оп. 40. Д. 49. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 37. Л. 8.

гр. Н.Н. Муравьева-Амурского о встрече в Ялуторовске с дядей, которого он знал только по переписке, рассказам бабушки и родных. Волнующее ожидание сменяется радостью долгожданной встречи двух близких и по-настоящему родных людей:

...Когда он вошел в комнату, то мы стояли молча несколько минут друг перед другом, он узнавал меня, и я – его по портрету, но признаться не решались. Ив[ан] Дм[итриевич] обнял меня первый, и с той же минуты мы считали себя уже как бы давно знакомыми. Несколько часов, которые мне можно было уделить ему, мы проговорили об родных, ...и тут-то я вполне оценил эту прекрасную душу, но для полноты этой оценки надо видеть, впрочем, и жилище его, а также и школу, и тогда всякому нетрудно убедиться в высокой добродетели и редких качествах этого человека. ...И тут я увидел, что все похвалы, слышанные мною об Ив[ане] Дм[итриевиче] слишком слабы, чтобы по ним можно было верно заключить об его достоинствах⁵.

Близость Якушкина с семьей тем более поразительна, что у него были достаточно сложные отношения с женой – именно в этом и стоит искать главную причину того, что она, вопреки своему горячему желанию, так и не последовала за мужем в Сибирь [9]. Это утверждение, конечно, кажется совершенно не хрестоматийным, хотя в нашей историографии такое мнение достаточно прямо высказывала еще Э.А. Павлюченко [11, с. 47–48], а в свете глубокого анализа якушкинской эпистолярки, опубликованной и неопубликованной, об этом можно говорить совершенно определенно. Например, в письме от 13 марта 1832 г. И.Д. Якушкин уверенно говорит о приезде жены как о деле решенном, но создается впечатление, что это иллюзия, в которую он не верит прежде всего сам, но проговаривает, как привычный рефрен, выдавая вымысел за настоящее, предавая свои мысли бумаге и тем самым почти материализуя их.

С внешней стороны приезду Анастасии Васильевны мешает только одно – проблемы с воспитанием и образованием детей. Якушкин, с одной стороны, как бы хочет ее приезда, собирается даже строить дом, но, с другой стороны, по его мнению, оставить детей в России также невозможно – ни на попечении родных, ни в каком-либо учебном заведении [6, с. 252–254]. Таким образом, создается неразрешимая дилемма, и А.В. Якушкина стоит перед выбором – муж или дети, причем ответственность за судьбы сыновей целиком и полностью лежит на ее плечах. Якушкин зовet ее в Сибирь, но в то же время оставить детей не разрешает. Если бы она приехала в Сибирь, то жила бы с чувством вины за брошенных детей, она и осталась – и жила с чувством вины, что не последовала за мужем в Сибирь. Думается, ее преждевременная смерть и явилась последствием этих переживаний.

Письма Якушкина к жене из Сибири достаточно сухи и нравоучительны, в них не чувствуется любви и страданий разлуки. В качестве примера можно привести послание от 3 июня 1838 г., где он пишет жен-

щине, воспитывающей его детей и страстно любящей его самого, жалующейся ему в том, что она «мертва» без него, о ее «прозябании», а далее пускается в философские рассуждения, что такие условия ее жизни помогают сохранить «всю свежесть своих чувств» («Растения, которым не дают цвести, дольше других остаются зелеными и свежими») [6, с. 260]. К сожалению, многолетняя несчастная и неразделенная любовь к Щербатовой наложила серьезный отпечаток и на отношения Якушкина с женой. Женившись, он не ушел от кризисного состояния. Страшно боясь «прозябания», он не мог избавиться от чувства, что живет в нем. К сожалению, он не понимал и не ценил своей супруги – ее благородная простота, молодость, чистота души принимались им за то самое «прозябание», от которого он бежал. В конечном итоге, он просто не давал собственной жене развиваться как личности, недооценивал ее и не стремился оценить. И, тем не менее, как справедливо подчеркнула Э.А. Павлюченко, «Анастасия Васильевна хорошо воспитала сыновей, она привила им не только любовь к отцу, но и уважение к его взглядам» [11, с. 47].

Трудно сказать, чем в действительности стала для Якушкина смерть супруги в 1846 г. – считается, что это явилось для декабриста тяжелым потрясением, именем жены он называет свою школу для девочек, посвящая ее памяти часть своего просветительского труда в Сибири. Но по-прежнему не ясно – начинает ли он, наконец, чувствовать свою вину перед Анастасией Васильевной или просто пытается философски оправдаться? А.В. Якушкина, безусловно, не заслужила такой судьбы. В оправдание декабристу можно сказать лишь то, что Якушкин впоследствии все-таки многое переосмыслил в женском вопросе, по крайней мере, пытался это сделать, о чем может свидетельствовать содержание его переписки с Н.Д. Фонвизиной.

Итак, фигура И.Д. Якушкина, безусловно, трагическая – думающий, глубоко чувствующий человек, страдающий, переживающий, благородный, старающийся философски переосмыслить действительность, но часто не справляющийся с этой задачей, особенно в молодые годы из-за другой более сильной тогда стороны натуры – сильнейших страстей, чувств и переживаний. В молодости именно они направляли все его действия, что выразилось, в частности, в его несчастной любви к Н.Д. Щербатовой – бурной и трагической. В этом же ракурсе стоит рассматривать выраженную до крайностей его позицию в тайном обществе – бескомпромиссный вызов на царевбийство ради спасения Отечества. Умеющий тонко и умозрительно рассуждать, умный, даже мудрый, Якушкин в таких ситуациях терял способность мыслить рационально, доходя даже до грани компрометации себя и окружающих. Причиной тому – сильнейшие эмоции и переживания, слишком драматическое восприятие действительности, которые он, будучи молодым, не мог побороть и оказывался в их власти. Грусть, уныние и заметная доля трагизма были свойственны самосознанию Якуш-

⁵ НИОР РГБ. Ф. 340. 34.13. Л. 59–59 об.

кина даже в недолгие годы его семейного счастья и домашней идиллии.

Заключение в крепость и сибирская каторга дали новый импульс развитию натуры декабриста – действительная жизненная драма во всей своей полноте обрушилась и на без того трагическое мировосприятие этого человека, но не раздавила его, а способствовала перерождению – нравственному, духовному, философскому. Причиной тому – сильный характер Якушкина, его безусловное мужество и стойкость. Драматизм мировосприятия сменяется кротостью, потом на смену всему этому приходит горячее и страстное желание помогать людям, приносить пользу, что находит выражение в подвижнической педагогической деятельности в Сибири, основании народных школ. Но меланхолия остается – Якушкин по-прежнему одинок, у него мало настоящих друзей, в то же время он постоянно примеряет повышенную нравственную планку по отношению к себе и окружающим, стремится к жизненной мудрости и философской справедливости в оценке себя и других. Безусловно, Якушкин – это особый тип русского человека, один из столпов эпохи; охарактеризовать и познать эту интереснейшую личность – значит познать еще один пласт русской культуры и самосознания, русского менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина / И.Д. Якушкин; ред. и ком. С.Я. Штрайх. – Репр. изд. 1951 г. СПб., 2007.
2. Голос минувшего. 1915. № 2. С. 210–213.
3. Русские Пропилеи. М., 1915. Т. 1: Материалы по истории русской мысли и литературы. С. 82–83.
4. Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 25–74.
5. Декабристы и их время: Труды Московской и Ленинградской секций по изучению декабристов и их времени. М., 1928. Т. I. С. 151–186.
6. Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина / И.Д. Якушкин; ред. и ком. С.Я. Штрайх. М., 1951.
7. Декабристы: Летописи Государственного литературного музея. М., 1938. Кн. 3. С. 400–469.
8. Декабристы: Новые материалы / под ред. М.К. Азадовского. М., 1955.
9. Азадовский М.К. Записки И.Д. Якушкина и комментарий к ним // Новый мир. 1953. № 3. С. 253–256.
10. Якушкин Н.В. Несостоявшаяся поездка А.В. Якушкиной в Сибирь // Новый мир. 1964. № 12. С. 138–159.
11. Павлюченко Э.А. В добровольном изгнании: о женах и сестрах декабристов. М., 1976.

Статья поступила
в редакцию 01.12.2012

УДК 323.328(571.5)''1796/1833''

Е.В. КОМЛЕВА

КРАСНОЯРСКИЕ КУПЦЫ НА ИРКУТСКОМ РЫНКЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: feodal@history.nsc.ru

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот источников – рукописных материалов семейства купцов Ларионовых – рассматривается деятельность красноярского купечества на иркутском рынке в первой трети XIX в. Публикуется «Реестр с записями расхолов» П.Ф. Ларионова, датированный 1808 г.

Ключевые слова: купечество, торговля, ассортимент товаров, свидетельства современников.

Два крупнейших центра Восточной Сибири – Иркутск и Красноярск – с самого начала своего основания играли важную экономическую роль для прилегающей к ним округи, выполняя функцию распределительных пунктов, через которые перемещался значительный товаропоток из Центральной России, Китая, Монголии, Средней Азии, расходясь по всей Сибири. Существовавшие между этими городами торгово-экономические связи особенно окрепли к концу XVIII в., когда уже почти все транзитные грузы перевозились по Московско-Сибирскому тракту, а водный путь через Енисейск перестал использоваться [1, с. 33]. В конце XVIII – начале XIX в. из Красноярска в Иркутск везли промышленные товары из

Европейской России, гнали большие табуны крупного рогатого скота, поставляли алтайский мед, а также скупленные в верховьях Енисея хлеб и масло. В свою очередь, красноярские торговцы закупали в Иркутске китайские товары, привозившиеся из Якутии и Аляски пушнину.

Экономическое развитие Иркутска и Красноярска в XVII–XIX вв., их роль как узловых центров транзитной торговли в регионе, состояние местного купечества рассматривались в работах многих дореволюционных, советских и современных исследователей, однако торгово-экономические отношения, которые связывали жителей этих городов, не стали предметом специального изучения. Находящиеся в Государственном